

— Ранее я вышла собирать одежду и видела, как Гао, закрыв лицо, рыдая, выбежала со двора этой стервы. Неужто там не добилась своего, вот и пришла злость на мужа вымещать? Хотя, поглядев, будто и не то... Вид у неё такой, словно с ней что приключилось. Тьфу, женщина одна в дом к мужчине бегаёт, к теще его... Одинокий мужчина да одинокая женщина... Неспроста она вдруг защищать эту стерву принялась! Может, и впрямь у них что есть? А ведь эта тварь только в семью Лу вышла — дня не прошло. Ну и ловкачка эта Гао! Цзи Жань ведь ненамного старше её Цзымина...

Бам!

Лэн Сянлянь не успела договорить, как Лу Чангэн с грохотом поставил винный ковш на стол и, не проронив ни слова, направился во внутренние покои.

Лишь когда он скрылся из виду, Лэн Сянлянь скривила губы и пробормотала вполголоса:

— Лицемер! Коли уж такой щепетильный, так не прятал бы домашнее вино. Фу!

Лу Чжэнь стоял у входа, холодным взглядом наблюдая за Лэн Сянлянь. Слыша, как она раз за разом называет Цзи Жаня «стервой», он сжимал кулаки от ярости. В мгновение ока он исчез на месте — и тут же из живота Лэн Сянлянь раздался пронзительный кошачий вопль.

— Мяу!

Лэн Сянлянь вздрогнула, рассыпав на пол иголки с нитками. Полагая, что почудилось, она уже наклонилась, чтобы поднять, как живот снова издал кошачий крик. Почти машинально она опустила взгляд — и на животе своём ясно увидела проступившую морду чёрного кота.

— А-а-а! Привидение! Привидение!

Цзи Жаня разбудили дикие вопли. Звук, долетавший издалека, был столь пронзителен, будто мог крышу сорвать; сила его — не менее тринадцати баллов, мощь — что ударная волна от взрыва.

Цзи Жань, обняв одеяло, сел на кровати, какое-то время пребывая в оцепенении, прежде чем сообразил: это кричит Лэн Сянлянь, невесть с чего взбесившись. Повернувшись к окну, он увидел кромешную тьму — не разберёшь, ночь ли ещё, или утро не наступило. Лёг он рано, часов под рукой не было, отчего в голове стоял полный сумбур.

Лу Чжэня рядом не было. Цзи Жань, проснувшись, почувствовал зверский голод и решил не спать дальше. Сбросив одеяло, он зажёл светильник и направился в боковушку, намереваясь приготовить чего-нибудь поесть. Каково же было его удивление, когда он обнаружил в очаге ещё тлеющие угли, а на плите — прикрытый крышкой котёл, из-под краёв которой струился белый пар: явно что-то подогревалось.

Цзи Жань оживился, подошёл и снял крышку. В котле и вправду была еда: рис, томлёный на пару, а блюда аккуратно размещены на бамбуковой решётке — и места не занимали, и тепло сохраняли. Даже простояв в котле порядочное время, пища источала аппетитный аромат.

Цзи Жань мысленно похвалил Лу Чжэня за заботливость. Отложив крышку в сторону и потирая руки, он уже потянулся за едой, как в помещение широким шагом вошёл Лу Чжэнь.

— Я сам. — В мгновение ока он оказался рядом с Цзи Жанем и, отводя того в сторону, сказал:

— Возвращайся, садись. Я сейчас принесу.

— Я и сам могу, ты...

— В котле всё горячее, обожжёшься. — Лу Чжэнь уже принялся за дело.

Видя его решимость, Цзи Жань не стал настаивать. Поблагодарив, он вернулся в комнату и покорно уселся за стол в ожидании трапезы. Едва он присел, как Лу Чжэнь уже появился с едой.

Цзи Жань привстал, чтобы принять, но Лу Чжэнь ловко уклонился и сам расставил всё перед ним.

Цзи Жань усмехнулся и спорить не стал. Усевшись, он взял палочки и принялся есть.

Голод давал о себе знать, потому еда поглощала всё его внимание. Лу Чжэнь же, как всегда, был тих. Воцарившаяся меж ними тишина нарушалась лишь негромким чавканьем Цзи Жаня, но неловкости в ней не было — напротив, она несла умиротворяющее спокойствие.

Вот если бы не вопли Лэн Сянлянь, то и вовсе было бы прекрасно. Её дикие крики напрочь разрушали атмосферу.

Цзи Жань уловил, что Лэн Сянлянь орет про привидений, и, заинтересовавшись, повернулся к воплощению молчания — Лу Чжэню.

— Это ты что-то натворил?

Лу Чжэнь смотрел на него, не отвечая.

— Прикинулся призраком и напугал её? — Цзи Жань приподнял бровь.

Лу Чжэнь в ответ тоже поднял бровь.

— Прикинулся? Считаешь, есть нужда?

Что ж, и правда — ну какую там «прикидываться»? Он и есть самый что ни на есть настоящий призрак.

Подумав так, Цзи Жань пожал плечами и, скривив губы, вновь склонился над тарелкой. Проглотив несколько кусков, он произнёс:

— Только ты поаккуратней. Всё-таки она беременна.

Лу Чжэнь промолчал.

— Кстати, который сейчас час? — спросил Цзи Жань, почти доев.

— Третий час ночи. — ответил Лу Чжэнь. — Доедай и ложись спать.

Покончив с едой, Цзи Жань снова отправился в постель. Думал, из-за воплей Лэн Сянлянь сон не придёт, но, на удивление, едва голова коснулась подушки, он провалился в сон. Однако на следующее утро его вновь разбудили крики.

Лу Чжэня снова не было, но Цзи Жань не придавал этому значения. Сам поднялся, оделся,

умылся и направился в боковушку готовить завтрак. И вновь завтрак уже ждал его: каша да паровые булочки, по-прежнему подогретые в котле, — в самый раз к его пробуждению.

Глядя на еду, Цзи Жань почувствовал лёгкое волнение. Пусть попадание в этот мир — невезение, но, выходит, замуж за призрака — не так уж плохо. По крайней мере, их взаимоотношения, хоть и короткие, сложились удивительно гармонично. Он не испытывал страха, Лу Чжэнь был внимателен, и всё текло так естественно, что даже забывалось: они не старые супруги, а новобрачные, со дня свадьбы которых не прошло и пары дней.

С этой мыслью Цзи Жань с улыбкой покачал головой. Не спеша приступить к еде, он отправился в комнату, вытащил белую редьку, очистил, вымыл, нарезал кубиками, перетёр с солью, удалил горький сок, повторил процедуру, добавил пол-ложки тростникового сахара и уксуса — и простой салат из маринованной редьки готов.

Приготовив закуску, Цзи Жань не пошёл в комнату, а наскоро позавтракал прямо на месте. Только вымыл посуду, раздумывая, как сходить к старосте обсудить покупку земли да вернуть крестьянам корзины, как снаружи поднялся ещё больший шум — кричали, кажется, уже не одна Лэн Сянлянь.

Цзи Жань изначально не интересовался делами семьи Лу, но, вспомнив, что это дело рук Лу Чжэня, не удержался от любопытства. Вытер руки и вышел.

Едва переступив порог, он ощутил напряжённость в воздухе. Лэн Сянлянь была заперта в комнате и орала, не умолкая всю ночь, а у стариков, похоже, тоже творилось неладное.

— Привидение! Привидение! Какой ребёнок?! Не ребёнок это! Это морда кота-оборотня! А-а-а, не хочу! Избавлюсь от него! Не рожу я уродца!

Едва Лэн Сянлянь умолкла, как её крик подхватил голос старухи Лу:

— Не вру я! Призрак-то самый настоящий, дух Лу Чжэня вернулся! Жизни моей он хочет, убить меня собрался! Сходите за даосистом, сходите! Не хочу умирать, не хочу...

Прослушав этот диалог, Цзи Жань всё понял: обих напугали вчера Лу Чжэня изрядно, до полусумасшествия. Заслужили, так им и надо! Покачав головой, он уже собрался выйти за ворота, как сзади его обхватили знакомые холодные руки.

— Выходишь? — Лу Чжэнь прижался подбородком к его шее.

— Угу. — Цзи Жань, почувствовав щекотку, отклонился. — Пойду о покупке земли поговорить. Участок под дом нужен, чтобы поскорее построиться и съехать.

— А вчера чего старосте сразу не сказал? — удивился Лу Чжэнь.

— Такие дела в двух словах не решить, — ответил Цзи Жань. — Лично наведаться надо, обстоятельно обсудить. Пошли.

Освободившись из объятий, Цзи Жань вышел за ворота.

Когда Цзи Жань с Лу Чжэнем прибыли к старосте, тот ещё завтракал. Увидев Цзи Жаня, он обрадовался, радушно пригласил войти, усадил и велел жене добавить прибор. Лишь после неоднократных заверений Цзи Жаня, что он уже поел, староста успокоился.

Пока хозяин трапезничал, Цзи Жань не стал заводить разговор, намереваясь подождать. Однако староста церемониться не стал.

— Цзи, братец, раз пришёл, значит, дело есть? — Откусив от лепёшки и хлебнув каши, староста, не переставая жевать, спросил.

Цзи Жань слегка помедлил, затем ответил:

— Не стану, почтенный староста, скрывать: нагрянул я к вам с покорнейшей просьбой...

<http://bllate.org/book/16271/1464324>